

ПЕРЕМНЫ В КНДР: НЕЗАМЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ¹

© **Илья Владимирович ДЬЯЧКОВ**

кандидат исторических наук, доцент кафедры японского,
корейского, индонезийского и монгольского языков

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации

119454, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, 76

E-mail: dyachkov@naver.com

Возможность перемен в Корейской Народно-Демократической Республике долгое время была излюбленной темой рассуждений экспертов. Одни специалисты полагали, что они примут форму централизованных масштабных реформ, вследствие которых страна повторит судьбу или СССР, или Китая, другие же прогнозировали катастрофическое падение режима вследствие накопления внутренних противоречий или прорыва «железного занавеса». Тем не менее, структурные, принципиальные перемены в КНДР, похоже, уже произошли в результате сочетания проводимых властью аккуратных реформ и постепенного открытия страны в последние годы. Их основными последствиями стали рост уровня жизни населения, появление в Северной Корее множества новых, современных реалий и активно начавшееся имущественное расслоение. Преемственность власти и идеологических символов замаскировала изменения и сделала их не фактором дестабилизации обстановки, как ожидали многие, а фактором дополнительной стабилизации северокорейской государственности в ее сегодняшнем виде. Важность признания и изучения этой трансформации с практической точки зрения заключается в том, что для проведения продуманной и соответствующей российским интересам политики в отношении КНДР нельзя руководствоваться устаревшими представлениями о соседнем государстве: наш подход к нему должен вырабатываться с учетом происходящих там изменений.

Ключевые слова: Северная Корея; КНДР; реформы; переходное общество; стабильность

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-157-161

Возможность перемен в Корейской Народно-Демократической Республике долгое время была излюбленной темой рассуждений корейстов. Специалисты по экономике прикладывали китайский и вьетнамский сценарий к северокорейским реалиям, оценивали хозяйственный потенциал Севера после перехода к рынку. Политологи рассуждали о том, как экономические реформы могут повлиять на режим: устоит ли он, погубит ли его либерализация, решится ли власть менять проверенную временем систему общественных отношений [1, с. 160-161].

Во всех подобных рассуждениях, как представляется сейчас, был один досадный, но почти неизбежный методологический недосмотр: мы преувеличивали статичность северокорейской системы. Во-первых, сама специфика и известная «реликтовость» КНДР в современном мире заставляет воспринимать ее как законсервированное, выпавшее из течения истории общество. Во-вторых,

освежать непосредственные впечатления о КНДР порой бывает довольно сложно, а вторичные источники информации зачастую весьма сильно отдалаются от реальности в ту или иную сторону. Конструируемая по таким фрагментам картина может быть верной или неверной с точки зрения совпадения с текущим моментом, но она почти всегда лишена динамики. В-третьих, – это касается в первую очередь российских специалистов – делая верный вывод о стабильности северокорейского государства и общества, эксперты порой путали стабильность и ригидность, неизменчивость [2, с. 106-107] (та же мысль у зарубежных авторов обычно подается как свидетельство косности и отсталости [3, р. 130-131]).

Из-за этого потенциальные перемены в КНДР, если они вообще возможны, казалось, должны произойти *революционно*, резко. Воображение рисовало одним специалистам централизованные масштабные реформы, вследствие которых страна повторит судьбу или СССР, или КНР, другим же – катастрофическое падение режима вследствие накопления внутренних противоречий или прорыва

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России» № 16-03-00602.

ва «железного занавеса» (например, почти 15 лет назад В.В. Михеев прогнозировал, что северокорейский режим вот-вот рухнет [4, с. 22-23]). Мысль о том, что Северная Корея может меняться *эволюционно*, постепенно, что изменения могут начаться с малого, но быть не менее принципиальными, чем при «революционном» сценарии, широкого распространения в экспертной среде не получила (хотя нельзя сказать, что она не звучала [5]).

Тем не менее, похоже, реальность оказалась именно такой. Северную Корею сегодня трудно сравнить с Северной Кореей пятилетней и тем более десятилетней давности. Весьма затруднительно быстро определить источник перемен, но легко назвать их приметы.

Наблюдения показывают, что уровень жизни северокорейцев в последние годы стабильно улучшается (хотя и остается в целом весьма низким). Примечательным является не простой рост среднего достатка (его уровень, разумеется, неодинаков в разные годы в любой стране и зависит от множества факторов), а появление ряда принципиально новых деталей северокорейской жизни. Так, в быт северокорейцев прочно вошли смартфоны, сотовое покрытие достаточно широко распространилось и за пределы столицы. Значительно изменился стиль одежды (в основном пока у женщин и детей) и выросло ее разнообразие. Современную жительницу Пхеньяна можно мысленно перенести на улицу южнокорейского города (пока, скорее, провинциального, а не Сеула), и она не будет выделяться на общем фоне. Заметно оживление строительства. Сектор услуг испытывает очевидный бум: количество развлекательных заведений и такси в Пхеньяне весьма велико, при этом вся эта инфраструктура ориентирована вовсе не на иностранцев и активно используется самими северянами (а это говорит, как минимум, о наличии определенного излишка дохода у обширной социальной группы). Разумеется, данные перемены заметны в первую очередь в столице, однако они проникают и в провинцию (а районы на границе с Китаем сами по себе становятся «очагом» новых веяний).

Специалисты связывают наблюдаемые процессы с реформами, начатыми новым лидером страны, Ким Чен Ыном, в 2013–2014 гг. (среди них, в частности, либерализация сельскохозяйственных отношений, предоставле-

ние экономических свобод предприятиям и т. п.) [6]. С ними, похоже, солидарны и сами северокорейцы: повышение уровня жизни воспринимается ими в первую очередь как заслуга власти.

При этом многие эксперты, особенно зарубежные, сегодня не замечают, что нынешние северокорейские реформы, похоже, действительно приводят к структурным изменениям в жизни общества. Такую «слепоту» нередко можно объяснить конъюнктурными соображениями, но идеологическая кампания, сопровождающая эти мероприятия в КНДР, действительно мало отличается от информационного фона прошлых лет. Северокорейская пропаганда с той же живостью описывала и худшие времена, а слова «революция» и «революционность» используются ею для описания повседневности уже не одно десятилетие. Реформы, в которые трудно поверить, можно также и не заметить, особенно если не видеть ситуацию в стране непосредственно.

Однако сознательные действия власти, похоже, лишь один из факторов изменения ситуации. Свою роль играют и глобальные процессы, в которые КНДР вовлечена больше, чем может показаться. Страна сегодня достаточно открыта в информационном плане. По свидетельствам перешедших на Юг северян, молодежь хорошо знакома с южнокорейским образом жизни по сериалам, телешоу, музыке и другим продуктам массовой культуры, которые распространяются пусть подпольно, но весьма широко. Помимо этого, тысячи северокорейцев ежегодно отправляются на заработки за границу в Россию, Китай, страны Центральной и Восточной Европы, арабского Востока, привозя домой не только деньги, но и впечатления о зарубежье.

Незаметно произошедшая эрозия информационной блокады не стала губительной для режима, как ранее предполагалось. Похоже, северокорейцы, видя иной образ жизни, скорее, обращаются не к мысли «власти виноваты в том, что мы так не жили», а к мысли «мы тоже так можем, если постараемся» (что вполне соответствует корейскому национальному характеру). Власть, в свою очередь, давно заметила этот процесс и даже «благословила» идеологически: перед Университетом им. Ким Ильсона (Ким Ир Сена) посетителей встречает лозунг «Ногами стой

на своей земле, глазами смотри на мир!» («자기 땅에 발 붙이고 눈은 세계를 보라»), выдвинутый еще Ким Чжонилем (Ким Чен Иром) в 2010 г. [7].

С точки зрения внешней политики и безопасности, наблюдаемые сегодня в КНДР процессы интересны еще потому, что и в официальной пропаганде, и в глазах населения экономический подъем сопряжен с развитием ядерной сферы. Такое сочетание подсаказано властью в лозунге «пенджин носон» (병진노선, «линия [на развитие] плечом к плечу»). Эта «новая» концепция следует канве одноименной кампании параллельного военного (тогда еще не ядерного) и экономического строительства, начатого в 1962 г., когда КНДР не добилаь военной помощи от СССР на безвозмездной основе. Северокорейское руководство прилагает немало усилий и для реального развития сферы высоких технологий, и для поддержания соответствующего такой ориентации имиджа: ядерные и ракетные успехи здесь весьма важны. Внутренняя аудитория видит в них вовсе не обоснование «затягивания поясов», а напротив – подтверждение улучшения жизни и чуть ли не локомотив перемен. На этом фоне международные санкции в отношении Пхеньяна не вызывают понимания не только у власти, но и у населения. Едва ли северокорейцы захотят под давлением изменить тот самый курс, который, по их мнению, улучшает их жизнь.

Разумеется, новые времена приносят рядовым северокорейцам не только хорошее. Закономерными последствиями перехода к новой жизни являются усиливающееся имущественное расслоение, а также существенный контраст между «официальной» и «реальной» экономикой. Месячная зарплата представителя северокорейского «среднего класса» порой меньше одного доллара США по рыночному курсу (сейчас – около 8000 вон за доллар) и сравнима с коммерческой ценой пары порций мороженого в уличном киоске. При этом коммерческие заведения не теряют клиентов, а «средние» пхеньянцы находят способы достать средства не только на мороженое, но и на сотовые телефоны, такси и другие дорогие услуги и развлечения. Примечательная черта времени: в пхеньянских музеях на входе можно заметить преискурант с расценками (опять же, сравнимыми

со средней месячной зарплатой) на фото- и видеосъемку (3000 и 5000 вон соответственно), в том числе – отдельно – на камеру телефона (2000 вон).

Провинция, как и в любой другой стране, отстает от столицы, но власть, организуя экскурсии в Пхеньян для детей и взрослых из регионов, планомерно знакомит их с новым образом жизни. Так, не случайно «накачивание» посетителями «Храма науки и техники» (과학기술전당) Пхеньянского политехнического музея, где, очевидно, воспитательно-образовательным целям служит не только и не столько экспозиция, но и инфраструктура: турникеты с карточками на входе, сенсорные экраны с информацией и пр.

Почти парадоксальное сочетание общей экономической неустроенности, а также принципиальной доступности и довольно широкого распространения новых благ во многом напоминает Россию начала 1990-х гг. Есть еще одно сходство: и тогдашняя Россия, и сегодняшняя КНДР – общества, где перемены уже произошли. Что стало их причиной – намеренные действия власти, их непредвиденные последствия, внешнее влияние или сумма факторов – вопрос для историков. С точки зрения насущных политических нужд необходимо понимать: Северная Корея изменилась незаметно, но принципиально. Обратимы ли эти перемены? Любые перемены обратимы, если для этого сложатся подходящие условия. Исходя из истории КНДР, «реконсервацию» представить себе достаточно просто, но сегодня она крайне маловероятна и в силу структурного характера трансформации, и в силу того, что новые реалии не дестабилизируют ни власть, ни общество.

Вернемся к заголовку статьи. Почему революцию не заметили? Многие эксперты не угадали ее сценарий: крупные перемены незаметно выросли из сочетания мелких и на первый взгляд малозначительных влияний. Сами северокорейцы, похоже, тоже не обратили внимание на «революцию»: для них она стала лишь планомерным следствием политики руководства, а оно – сознательно или неосознанно – не стало менять ни стиль, ни язык управления. Преемственность власти и идеологических символов замаскировала перемены и сделала их не фактором дестабилизации обстановки, как ожидали многие, а фактором *дополнительной стабилизации се-*

верокорейской государственности в ее сегодняшнем виде.

Следует подчеркнуть, что автор данной статьи, говоря о переменах в КНДР, не стремится дать этим процессам или действиям руководства этой страны какую-либо оценку. Речь ни в коем случае не идет о том, что Северная Корея «была плохая, а стала хорошая» или же «была хорошая, а стала очень хорошая», подобные тезисы чужды науке. Для проведения грамотной, продуманной политики в отношении КНДР, которая соответствовала бы интересам России, нельзя руководствоваться устаревшими представлениями о соседнем государстве: оно существенно изменилось в последние годы, и наш подход к нему должен вырабатываться с учетом этого факта.

Список литературы

1. Панкина И.Ю. Политика «сонгун» в КНДР: причины возникновения, развитие и особенности // Корея: на пороге перемен: доклады, представленные на 12 научной конференции корееведов России и стран СНГ. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2008. С. 160-161.
2. Суслина С.С. Экономика современной Северной Кореи: пути развития и сотрудничества // Корейский полуостров: накануне перемен: доклады, представленные на 16 научной конференции корееведов России и стран СНГ. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2012. С. 106-107.
3. Kim S.S. North Korea and Northeast Asia // Tai Hwang Lee. USA, Lanham: Rowman and Littlefield, 2002. P. 130-131.
4. Михеев В.В. Будущее КНДР в свете новой международной ситуации // Корейский полуостров и вызовы XXI в.: доклады, представленные на 6 научной конференции корееведов России и стран СНГ. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2002. С. 22-23.
5. Корейский полуостров: взгляд из Пхеньяна. Интервью с В.Е. Сухининым. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1991#top-content (дата обращения: 05.07.2016).
6. Захарова Л.В. Экономические факторы стабильности КНДР // Корея: 70 лет после освобождения. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2015. С. 299-302.
7. 김일성종합대학 전자도서관 준공 = Завершено создание электронной библиотеки Университета им. Ким Ильсона (Ким Ир Сена). URL: <http://www.kcna.co.jp/calendar/2010/04/04-14/2010-0414-023.html> (accessed: 05.07.2016).

References

1. Pankina I.Yu. Politika «songun» v KNDR: prichiny vzniknoveniya, razvitiye i osobennosti [Songun Policy in the DPRK: Sources, Evolution and Features]. *Doklady, predstavlenyye na 12 nauchnoy konferentsii koreevedov Rossii i stran SNG «Koreya: na poroge peremen»* [Proceedings of the 12th academic conference of koreanists in Russia and ex-USSR countries "Korea: On Threshold of Changes"]. Moscow, Institute of Far Eastern Studies RAS Publ., 2008, pp. 160-161. (In Russian).
2. Suslina S.S. Ekonomika sovremennoy Severnoy Korei: puti razvitiya i sotrudnichestva [Present Situation in North Korea's Economy: Ways of Development and Cooperation]. *Doklady, predstavlenyye na 16 nauchnoy konferentsii koreevedov Rossii i stran SNG. «Koreyskiy poluostrov: nakanune peremen»* [Proceedings of the 16th academic conference of koreanists in Russia and ex-USSR countries "Korean Peninsula: the day before changes"]. Moscow, Institute of Far Eastern Studies RAS Publ., 2012, pp. 106-107. (In Russian).
3. Kim S.S. *North Korea and Northeast Asia*. Tai Hwang Lee. USA, Lanham, Rowman and Littlefield, 2002, pp. 130-131.
4. Mikheev V.V. Budushchee KNDR v svete novoy mezhdunarodnoy situatsii [North Korea's future in a new international situation]. *Doklady, predstavlenyye na 6 nauchnoy konferentsii koreevedov Rossii i stran SNG «Koreyskiy poluostrov i vyzovy XXI v.»* [Proceedings of the 6th academic conference of koreanists in Russia and ex-USSR countries "Korean Peninsula and Challenges of XXI century"]. Moscow, Institute of Far Eastern Studies RAS Publ., 2002, pp. 22-23. (In Russian).
5. *Koreyskiy poluostrov: vzglyad iz Pkhen'yana. Interv'y u V.E. Sukhininym* [Korean half-island: opinion from Pyohgyang]. Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1991#top-content (accessed 05.07.2016).
6. Zakharova L.V. Ekonomicheskie faktory stabil'nosti KNDR [Economical factors of stability in DPRK]. *Koreya: 70 let posle osvobodzheniya* [Korea: 70 years after liberation]. Moscow, Institute of Far Eastern Studies RAS Publ., 2015, pp. 299-302. (In Russian).
7. 김일성종합대학 전자도서관 준공 [Electronic Library of the University named after Kim Ir Sen completed]. Available at: <http://www.kcna.co.jp/calendar/2010/04/04-14/2010-0414-023.html> (accessed 05.07.2016).

Поступила в редакцию 22.08.2016 г.
Received 22 August 2016

UDC 94

CHANGES IN DPRK: PLAIN REVOLUTION

Ilya Vladimirovich DYACHKOV

Candidate of History, Associate Professor of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian Languages Department
Moscow State Institute of International Relations (University) of Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation
76 Vernandskiy Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

E-mail: dyachkov@naver.com

Possible change in North Korea is a topic that experts have been actively discussing for quite some time now. Some analysts thought that the North Korean authorities will initiate wide-scale reforms citing Soviet Union's and China's examples as possible outcomes, while others expected the regime to crumble either under its own weight or external pressure when the iron curtain falls. Nevertheless, the DPRK has already undergone largely unnoticed structural, fundamental transformations as a result of careful reforms initiated by the state and the country's gradual opening to the world in recent years. Consequently, overall quality of living started to improve and the country was introduced to numerous elements of modern life, income inequality among them. Continuity of administrative methods and ideology helped to disguise the change and made it into an additional stabilizing factor for the North Korean state rather than a catalyst of its downfall. It is important to acknowledge and study this transformation, because our policy toward the DPRK must be well thought out and reflect Russian interests, which would prove impossible should it be based on outdated information about the neighboring country: our approach must consider the changes that happen there.

Key words: North Korea; DPRK; reform; transitional society; stability

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-157-161

Информация для цитирования:

Дьячков И.В. Перемены в КНДР: незаметная революция // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 11 (163). С. 157-161. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-157-161.

Dyachkov I.V. Peremeny v KNDR: nezametnaya revolyutsiya [Changes in DPRK: plain revolution]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2016, vol. 21, no. 11 (163), pp. 157-161. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-157-161. (In Russian).